

Жун И сегодня был одет в наряд стоимостью более двух миллионов юаней, и он уже готов был выругаться от злости. С мрачным лицом он позволил пьянице упасть на пол, затем развернулся, взял пачку салфеток и, пригнувшись, поднял голову Цюй Хайяо, грубо вытирая его пьяное лицо.

Пьяница наконец открыл глаза, оглядываясь вокруг крайне растерянным, туповатым взглядом. Жун И с раздражением сказал:

— Ты меня слышишь? Какой номер у твоего ассистента? Я позвоню ему, чтобы он забрал тебя — что за безобразие!

Последняя фраза буквально искрила раздражением. Жун И никогда не был тем, кто любит ухаживать за бездомными животными, не говоря уже о людях. Все взрослые, все способны контролировать себя, а тут кто-то умудрился напиться до такого состояния в подобном месте.

Но этот парень всё же был немного другим, особенно учитывая, что Жун И уже слышал, как Цюй Хайяо отказался от роли в фильме режиссёра Юаня «Урожайный год». Тогда Жун И действительно был удивлён, и сам режиссёр Юань тоже был шокирован. Все вместе они гадали, в чём же дело, но у Жун И уже были свои предположения.

Реальная ситуация оказалась близка к его догадкам, поэтому к этому парню Жун И всё же присмотрелся. Но на этом всё и закончилось. Видя, как Цюй Хайяо выглядит растерянным, Жун И разозлился и даже хотел дать ему пощёчину. Но прежде чем он успел это сделать, Цюй Хайяо заговорил.

— Жун И... это ты...?

Его голос был мутным, как будто окутанным дымкой, с ноткой капризности. Жун И терпеть не мог таких жеманных мужчин и уже собирался выругаться, как услышал, как владелец этого голоса с капризной интонацией произнёс ледяной смешок.

— Ты действительно... сияешь.

Казалось бы, комплимент, но Жун И не мог не уловить в нём сарказм. Он слегка приподнял бровь и увидел в мутных глазах Цюй Хайяо остроту, сформированную болью и неудовлетворённостью.

— Красивый, сильный... — Он словно пытался собрать свои мысли воедино, но они выходили бессвязными. — По сравнению с тобой я... ничтожество.

Цюй Хайяо покачал головой, но это движение только усилило его головокружение.

— Ничтожество... В общем, я просто подделка, никудышная, второсортная...

Жун И не мог больше это слушать. Он чувствовал, что его догадки были лишь частично верны, и, глядя на Цюй Хайяо, понимал, что дело не только в принуждении. Сам он когда-то был жертвой принуждения, но Цюй Хайяо, возможно, оказался в ещё более тяжёлой ситуации.

Обман, конечно, хуже принуждения, и Жун И всегда так считал. В его взгляде исчезла часть раздражения, и он стал немного мягче.

— Ладно, ладно, — попытался он придать телу Цюй Хайяо более устойчивое положение. — Ты сейчас даже не «изделие», так что о какой подделке речь... Где твой телефон? Я позвоню

твоему ассистенту.

Он начал искать телефон на Цюй Хайяо, но вдруг его запястье схватила рука этого пьяного парня. Жун И вздрогнул, рефлекторно поднял голову и с удивлением обнаружил, что в тех больших круглых глазах накопилось столько злобы.

— Но я не смирюсь.

В этот момент Жун И подумал, что Цюй Хайяо вовсе не пьян. Слова «не смирюсь» ярко отражались в его глазах, развеивая всю эту пьяную дымку.

— Что я сделал не так? Я просто похож на тебя, почему я должен страдать?

Глаза Цюй Хайяо покраснели, то ли от алкоголя, то ли от бушевавших внутри эмоций.

— Потому что я молодой, без статуса, я заслуживаю, чтобы меня обижали? Заслуживаю, чтобы меня обманывали? Я не такой, как ты, не такой, значит, я заслуживаю, чтобы меня унижали?

Его некогда чистый и ясный голос под воздействием алкоголя и злобы стал хриплым и мрачным. Запястье Жун И сжималось всё сильнее, и он чувствовал лёгкую боль. На самом деле, если бы он захотел, то смог бы высвободиться из хватки Цюй Хайяо, но эти слова обвинения заставили его на мгновение забыть о желании вырваться.

Никто не знал, насколько хорошо Жун И понимал это чувство неудовлетворённости. Лицо Цюй Хайяо было так похоже на его собственное, и, глядя на него, Жун И словно видел себя много лет назад — беспомощного и недовольного.

Даже их отношение к ситуации было настолько похожим — они просто уходили, не желая больше иметь с этим дела.

Когда-то Жун И был так же зол, даже в сто раз злее, чем Цюй Хайяо. Он однажды схватил клавиатуру и разнёс ею комнату в общежитии, его руки были в крови, и он кричал в небо, что это за хреновы «правила»! Но он был никем, у него не было никакой силы, а «правила» уже были установлены, и всё, что он мог сделать, — это сопротивляться и уйти, больше у него не было даже права бороться.

Как и сейчас у Цюй Хайяо.

Даже неудовлетворённость была такой же, как у Цюй Хайяо. Он смотрел на это молодое, милое лицо, на котором отражались искажённые боль и гнев, и в следующий момент эти эмоции быстро превратились в решимость, которая застала Жун И врасплох.

— Я, не, смирюсь. Я не смирюсь, чтобы меня унижали.

Цюй Хайяо произносил каждое слово с паузами.

— Я, Цюй Хайяо, с этого дня клянусь стать тем, кто будет унижать других!

...Что за чушь. Жун И нахмурился, его взгляд стал опасным.

— Кого ты хочешь унижать? И как?

Но Цюй Хайяо был куда увереннее.

— Я хочу унижать тебя!

Жун И: «.....»

— О, — он смог только это произнести, всё ещё не понимая, откуда взялся этот резкий поворот.

— Как унижать... — Алкоголь явно мешал Цюй Хайяо мыслить, но он всё же пытался. — Как унижать... Конечно, я буду главнее тебя!

Жун И: «.....»

— Я клянусь стать более великим киноимператором, чем ты, ой нет, великим киноимператором с восемью наградами!.. Ик...

Видимо, из-за слишком быстрой речи и эмоций Цюй Хайяо наконец начал икать. Восприятие Жун И за полминуты прошло путь от глубокого размышления до полного недоумения и закончилось на грани смеха. Он смотрел на Цюй Хайяо, который уже отпустил его запястье, вздохнул, потер слегка онемевшую руку и продолжил искать телефон на Цюй Хайяо, безэмоционально сказав:

— Ладно, великий киноимператор с восемью наградами, может, тебе ещё и огромный бриллиант с восемью гранями подарить?

— Восемь граней? — Цюй Хайяо был в замешательстве, бормоча что-то непонятное, а затем засмеялся:

— Да! Восемь граней, я... одобряю!

Жун И быстро прикрыл рот рукой, чтобы не рассмеяться. Его плечи слегка дрожали, но его острый слух уловил тихие шаги, доносящиеся из-за двери.

Он тут же нахмурился, бросил Цюй Хайяо на месте и вышел из комнаты.

И, конечно, это был тот, кого он не хотел видеть.

Лю Цзяжэнь.

Жун И и Лю Цзяжэнь не виделись уже некоторое время, и, учитывая, что они знали друг друга слишком хорошо, Лю Цзяжэнь, сколько бы он ни притворялся успешным бизнесменом, в глазах Жун И оставался лишь волком в овечьей шкуре. Как и сейчас, он был одет с иголкой, с улыбкой на лице, но Жун И видел лишь отвратительную маску, которую хотелось сорвать.

— Давно не виделись, — произнёс Лю Цзяжэнь тихим, почти интимным голосом.

Жун И снова почувствовал отвращение. Он не стал играть в игры и резко ответил:

— Чем дальше, тем лучше. Лучше бы вообще больше не встречаться.

Лю Цзяжэнь усмехнулся, его взгляд скользнул к комнате, из которой только что вышел Жун И. Жун И тут же встал перед дверью, полностью перекрывая её. Это было скорее защитой для Цюй Хайяо внутри, чем противостоянием Лю Цзяжэню, хотя оба они прекрасно знали, кто и почему находился в комнате.

— Из-за тебя уничтожена карьера ещё одного молодого человека. Жун И, ты доволен собой?

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16304/1470633>